

ПЪСНИ

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

1.

ВИДЪНИЕ КОРОЛЯ. 1)

Король ходитъ большими шагами
 Вздъ-и-впередъ по палашамъ;
 Люди сиять — королю лишь не спится:
 Короля Султанъ осаждаетъ,
 Голову отсѣчь ему грозится
 И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
 Не услышитъ ли какого шума?

Слышитъ, воепть ночная птица,
 Она чуепть бѣду неминучу,
 Скоро сїй искать новой кровли
 Для своихъ птенцевъ горемычныхъ.

Не сова воепть въ Ключь-Градѣ,
 Не луна Ключь-Городъ озареши,
 Въ церкви Божіей гремяши барабаны,
 Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
 Никто свѣща въ церкви Божіей не видитъ,
 Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
 Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
 И идешъ одинъ въ Божію церковь.

Спалъ на паперти, дверь отворяется...
 Ужасомъ въ исмъ замерло сердце,
 Но великую творину опъ молилъ
 И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Тупъ онъ видитъ чудное видѣніе:
 На помосиѣ валюются трупы,
 Между ими хлещетъ кровь ручьями
 Какъ потоки осени дождливой.
 Онъ идетъ шагая черезъ трупы,
 Кровь по щиколку ²⁾ ему досягаетъ . . .

Горе! въ церкви Турки и Ташары
 И предатели враги *Богумилы*. ⁵⁾
 На амвонѣ самъ Султанъ безбожный
 Держитъ онъ на голо саблю,
 Кровь по сабль свѣжая спруиняется
 Съ воспиря до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
 Тупъ-же видитъ онъ отца и брата.
 Предъ Султаномъ старикъ бѣдный сирава
 Униженно стоя на колѣнахъ,
 Подаетъ ему свою корону;
 Слыча, также стоя на колѣнахъ,

Его сынъ, Радивой окаянныи,
Бусурманкою чалмою покрытый,
(Съ шою самого веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлюешъ,
Какъ холопъ наказанный фалангой. 4)

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, расшопталъ ногами,
И промолвилъ попомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моей ты власщениномъ,
Для гиуръ-христіяниъ беглербеемъ. 5)
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣмля.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дашь кафтанъ Радивою! 6)
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрапъ на кафтанъ Радивоя
Кожу съ братца его роднаго.»

Бусурмане на короля наскочили,
 До нага всего его раздѣли,
 Ашаганомъ ему кожу вспороли,
 Спали драшь руками и зубами,
 Обважили и мясо и жилы,
 И до самыхъ костей ободрали,
 И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
 «Правъ ты, Боже! меня наказуя!
 «Плошь мою предай на распирзанье,
 «Лиши помилуй мнъ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
 Все внезапно упихнуло, померкло, —
 Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью въ попсемкахъ
 Кое-какъ до двери добрался,
 И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,⁷⁾
И пошли бусурмане на приступъ.

2.

ЯНКО МАРИАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Мариавичъ?
 Что ему дома не сидится?
 Опѣч чего двухъ иочей онъ сряду
 Подъ одною кровлей не иочуешь?
 Али недруги его могуучи?
 Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
 Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
 Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
 Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,⁸⁾
 И были по Богу братья;
 Но Кирила несчастливый умеръ
 Опь руки имъ избраннаго браша.

Веселое было пирование,
 Много пили меду и горѣлки;
 Охмѣли, обезумили гости,
 Два могучіе Беи поборолись.

Янко выспрѣлиль изъ своего писцоля.
 Но рука его пьяная дрожала.
 Въ супротивника своего не попалъ онъ,
 А попалъ онъ въ своего друга.
 Съ того времени онъ плоскуя бродитъ,
 Словно воль ужаленный змію.

Наконецъ онъ на родину воропился,
 И вошелъ въ церковь свяпаго Спаса.
 Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
 Горько плача и жалостно рыдая.
 Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
 И опужиналь со своей семьею,
 Попомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
 «Посмотри, жена, ты въ окошко.
 Видиши ли церковь Спаса описелъ?»
 Жена вспала, въ окошко поглядѣла,
 И сказала: «На дворѣ полночь,
 За рѣкою густые шуманы,
 За шуманомъ ничего не видно.»
 Повернулся Янко Марнавичъ,
 И тихонько спаль читать молитву.

Помолившись, онъ опять сї молвилъ:
 «Посмотри, что ты видиши въ окошко?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу, воинъ, малый огоніёчикъ

Чупъ-чупъ брежжепъ въ шемнотѣ за рѣкою.
 Улыбнулся Янко Марнаевич,
 И опять спалъ тихонько молипись.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
 «Ошвори-ка, женка, шы окошко:
 Посмоши, чпо шамъ еще видно?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу я на рѣкѣ сіянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Бей вздохнулъ, и съ поспели свалился.
 Тупъ и смерть ему приключилась.

5.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ. 9)

Радивой поднялъ желтое знамя:
 Онъ вдешъ войной на бусурмана.
 А Далматы, завида наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 На бекренъ надѣли свои шапки,
 И сказали: «Возьмите нась съ собою: 10)
 Мы хопимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ принялъ

И сказалъ имъ: «Милоспти просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Спали жечь Турецкія деревни,
 А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. 11)
 Беглербей со своими Бошняками
 Пропивъ насъ пришелъ изъ Банялукъ; 12)
 Но лишь только заржали ихъ кони,
 И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
 Заеверкали у Зеницы-Великой,
 Разбѣжались измѣники Далмата;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ пѣбою
 И раскажемъ эту битву нашимъ дѣнникамъ.»
 Спали битъся мы тогда жестоко,
 Всакъ изъ насъ троихъ воиновъ спонъ;
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острѣя по самой рукоятки.
 Но когда черезъ рѣчку спали
 Тѣсной кучкою мы переправляться,

Селихтарь ¹³⁾ съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣши,
 «Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
 «Намъ управиться съ ними невозможно.
 «Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 «И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою,
 Но и тушъ насъ пало девяносто.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣе
 На коня моего воронаго;
 Черезъ рѣчку вплывь переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчишъ.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тушъ враги на него паскочили,
 Отрубили голову Радивою.

4.

ӨЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

• • • • • • • • • • • •

Спамапи быль спаръ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-шо его отполкнула,
Что ушелъ онъ охая да хромая.
По дѣломъ тебѣ, спарый безстыдникъ!
Ай да баба! ошѣлалась славно!

Вопъ Спамати спалъ думашъ луму:
 Какъ ему погубишъ бы Елену?
 Онъ къ Жиду лиходѣю приходишъ,
 Отъ него онъ требуешъ совѣша.
 Жидъ сказалъ: «Спунай на кладбище,
 Опышчи подъ каменьями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ».

На кладбище приходишъ Спамати,
 Опыскалъ подъ каменьями жабу, 14)
 И въ горшкѣ Жиду ее приносишъ.
 Жидъ на жабу проливаешъ воду,
 Нарекаепъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ Христіанское имя
 Нарещи такої поганой швари!).
 Они жабу всю попломъ изкололи,
 И ее — ея жъ кровью напоили;
 Напоивши, заспавши жабу
 Облизали поспѣльную сливу.

Часть IV.

И Спамати мальчику молвилъ:

«Опнеси ты Еленъ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленъ сливу,
А Елена спопчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелилася.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою менышую.
Та ес молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Спала пухнушъ прекрасная Елена,
Спали башть: Елена брюхата.
Каково - то будешъ ей отъ мужа,
Какъ воропинися онъ изъ-за моря!
И Елена спыднися и плаченъ,
И на улицу выдти не смѣенъ,

День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминушио сестрицъ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и — Феодоръ,
Воропился на свою споронку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встречу,
Всѣ его привѣтно поздравляють;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ не ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смущился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой, — и видитъ,
На постель сидитъ его Елена.
«Встань Елена,» говорить Феодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,

Предъ тобою я невиновата,
Испортили меня злые люди.»

Но Феодоръ женѣ не повѣрилъ:
Опъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Опсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну есъ живаго,
При себѣ воспинывать буду.
Я увижу, на кого онъ походилъ,
Такъ навѣрно онца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распороль онъ мерцвое тѣло.
Что-жъ! — на мѣсто милаго дишляти,
Онъ черную жабу находилъ.
Взвылъ Феодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!
Я сгубилъ Елену поизрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
 Спалъ ес цѣловашъ умиленно,
 И мерпвыя успа опворились,
 Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и спарый Спамати
 Черной жабой меня окормили.»
 Тутъ опять успа ея сомкнулись
 И языкъ переспалъ шевелившись.

И ѡеодоръ Спамати зарѣзаль,
 А Жида убилъ какъ собаку,
 И опипѣль по женѣ панихиду.

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ. 15)

Какъ покинула меня Парасковья
 И какъ я съ печали промошался,
 Вонъ Дамашъ пришелъ ко мнѣ лукавый :
 «Ступай, Дмишрій, въ морской шы городъ,
 Тамъ цехины чпо у насть каменъя.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
 И только чпо пьюшъ да гуляюшъ :

Скоро шамъ ты разбогатѣшь,
И воротишься въ шипомъ долиманѣ
Съ кипжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебѣ закидаюшъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Ворошись, когда разбогатѣшь.»

Я послушался лукаваго Даимата.
Вопь живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣюшся,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я заявятъ какъ пересаженный кусинъ.

Какъ у насъ бывало кого вспрѣчу,
Слышу — Здравствуй Дми́трій Алексе́ичъ!
Здѣсь не слышу добра́го привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Запесенная въ озеро бурей.

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острывхъ каменяхъ
 Приншался храбрый Гайдукъ Хризичъ. 16)
 Съ нимъ жена его Кашериша,
 Съ нимъ его два милые сына,
 Имъ нелься изъ пещеры выдти,
 Сперегутъ ихъ недруги злыie.
 Коли чушь они голову подымушъ,
 Въ нихъ прицѣляшся шомчасъ сорокъ ружей.

Они три дня, три ночи не ъели,
 Пили только воду дождевую,
 Накопленную во впадинѣ камня.
 На четвертый взошло красно-солнце,
 И вода во впадинѣ изсякла.
 Тогда молвила, вздохнувши, Катерина :
 «Господь Богъ! помилуй наши души!»
 И упала мершвая на землю.
 Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
 Сыновья плакать при немъ не смѣли;
 Они только очи оширили
 Какъ опѣ ихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день спаршій сынъ обезумѣлъ,
 Спалъ глядѣть онъ на мершую машерь,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался.
 Закричалъ онъ спаршему брату :
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моей крови,
 А умремъ мы голодною смертью,

Спашемъ мы выходиши изъ могилы
 Кровь сосапъ нашихъ недруговъ спящихъ » 17)
 Хризичъ вспалъ и промолвилъ: «Помно!
 «Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажды.»
 И вѣт прое со скалы въ долину
 Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ проспрѣленъ;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на копья свои насадили, —
 А и шупль глядѣть на нихъ не смыли.
 Такъ имъ спрашено былъ Хризичъ съ сыновьями.

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Иакинфа Маглиновича. 18)

Съ Богомъ, въ дальниюю дорогу!
 Путь найдешь ты, слава Богу.
 Свѣтлѣй мѣсяцъ; ночь ясна
 Чарка выпила до дна.

Пуля легче лихорадки;
 Воленъ умеръ ты какъ жилъ.
 Врагъ твой мчался безъ оглядки;
 Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай пасъ за могилой,
 Коль сойдешься какъ-нибудь;
 Опъ меня опцу, брашъ милой,
 Поклонишься не забудь!

Ты скажи ему, что рана
 У меня ужъ зажила;
 Я здоровъ, — и сына Яна
 Минъ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
 Умный мальчикъ у меня;
 Ужъ владѣешъ Ашаганомъ,
 И спрѣляешъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
 Съ мужемъ ей не скучно шамъ.
 Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
 Живъ иль иѣшь, — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!

Путъ найдешь ты, слава Богу.

Свѣшишь мѣсяцъ; ночь ясна

Чарка выпита до дна.

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воропъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
 Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
 А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ пимъ идешъ незнакомецъ,
 Бѣденъ онъ и чупъ ноги волочинѣ,
 Проситъ онъ напиться, ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.

Вопль, напившись, говорить опъ Маркъ:
 «Это чпо подъ горою шамъ видно?»
 Отвечаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое»
 Говорить незнакомый прохожій:
 «Опдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому чпо мнѣ жить ужъ не долго.»
 Тутъ широкій розвилъ опъ поясь,
 Кажеться Маркъ кровавую рану.
 «Три дня, молвили, ношу я подъ сердцемъ
 Бусурмана свинцовую пулью.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою ивой.
 И со мной положи мою саблю,
 Потому чпо я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко спалъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ

Поддержать гостя нашего долъ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожій на рукахъ ся умеръ.

Марко сѣлъ на копя воронаго,
 Взялъ съ собою мертвое шѣло,
 И побѣхаль съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокую вырыли могилу,
 И съ молитвой мертвича скоронили.
 Вопль проходилъ недѣля, другая,
 Сталъ худѣшь сыночкъ у Марка;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу Калуерь приходилъ, —
 Посмотрѣлъ на ребенка, и молвили:
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзнию;
 Посмотри на бѣлую его шею:
 Видиши ты кровавую ранку? ¹⁹⁾
 Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Часть IV.

10

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
 Отправилась шопчась на кладбище;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видяшъ, — прудъ румяный и свѣжій, —
 Ногти выросли какъ воронья когти,
 А лицо обросло бородою, —
 Алой кровью вымазаны юбы, —
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдныи Марко колочъ замахнулся,
 Но мертвѣцъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсь бѣгомъ пуснился.
 Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь,
 Спременами оспрытии язьима;
 И кусочки подъ нимъ шакъ и гнулись,
 А суки деревъ шакъ и прещали,
 Ломаясь какъ замерзлая прутья.

Калуерь могильною землю 20)
 Ребенка больнаго всего выперъ,
 И весь день пивориль надъ нимъ молили.

На закатъ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно шому двѣ недѣли,
 Въ эспу пору умеръ злой прохожій.*

Вдругъ собака громко завыла,
 Отворилась дверь сама собою,
 И вошелъ великанъ, наклонившись,
 Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
 Пополка головою касалсь.
 Онъ на Марка глядѣть неподвижно,
 Неподвижно глядѣть на него Марко
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
 Но спарикъ, молитвеникъ раскрывши,
 Запалилъ кипарисную вѣшку,
 И подулъ дымъ на великана.
 И запрясся Вурдалакъ проклятый,
 Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
 Будто волкъ охотникомъ гонимый.

*

На другія сутки въ ту же пору
Песь замаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Быть онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
Сълъ онъ молча и спалъ глядѣть на Марко;
Но старикъ молнией его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый, —
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ шѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

9.

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что шакое?»

Бонапартъ спросилъ:

«Правда ль: это племя злос,

«Не боится нашихъ силь?»

«Такъ раскаянся жъ нахамы:

«Объявить ихъ сшаршинамъ,

«Чтобы ружья и книжалы

«Всѣ иесли къ моимъ ногамъ.»

Вонъ онъ плещъ на насъ пѣхощу
 Съ сошибъ пушкъ и морширъ,
 И своихъ Мамлюковъ ропшу,
 И космашыхъ Кирасиръ.

Намъ сдавацься вѣнье охопы, —
 Черногорцы шаковы !
 Для коней и для пѣхопы
 Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши поры
 И гостей незваныхъ ждемъ, —
 Вонъ они вспутили, въ горы,
 Испребляя все кругомъ.

Идупъ пѣсно подъ скалами.
 Вдругъ, смятсіе! . . . Глядишь:

У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Спой! пали! Пускай каждый сбросить
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не просить:
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные съ шеиновъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Припалась между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ опять-таки
Мы Французамъ: — «Это чио?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, чио-ми?» Нѣшъ не шо!

Ихъ полковникъ повалился.
Съ нимъ спо двадцать человѣкъ.

Весь отрядъ его смущился,
Кто какъ могъ пускался въ бѣгъ.

И Французы ненавидяшь
Съ твоей поры нашъ вольный край,
И красньюшь, коль завидяшь
Шапку нашу не взначай.

10.

С О Л О В Е Й.

Соловей мой, соловейко
 Пишица малая лѣсная!
 У тебя ль у малой пишицы
 Незамѣтныя три пѣсни,
 У меня ли у молодца
 Три великия заботы!
 Какъ ужъ первая забота,
 Рано молодца женили;
 А впоря-шо забота, —
 Воронъ конь мой припомился;

Какъ ужъ претъя-то забоина —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.

Выкопайше мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадиши
Алы цвѣники цвѣиночки,
А въ ногахъ мнѣ проведиши
Чисту воду ключевую.

Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки.

Пойдутъ мимо снары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

44.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагъ грызутся,
 Отецъ съ сыномъ въ пещерь бранялъся.
 Старый Петро сына укорялъ:
 «Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый !
 Не боишься ты Господа Бога,
 Гдѣ тебѣ съ Султаномъ шлягаться,
 Воевать съ Бѣлградскимъ пашею !
 Аль о двухъ головахъ ты родился ?
 Пропадай ты себѣ, окаянныи,
 Да за чѣмъ ты всю Сербію губиши ?»

Опившись Георгий угрюмо:
 «Изъ ума спарикъ, видно, выжилъ,
 Коли лаешь безумныя рѣчи.»
 Старый Петро пуще осердился,
 Пуще онъ бранится, бушуетъ.
 Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
 Туркамъ выдать ослушнаго сына,
 Объявить убѣжище Сербовъ.
 Онъ изъ темной пещеры выходишь;
 Георгий спарика догоняетъ:
 «Воропися, отецъ, воропися!
 Отпусти миъ невольное слово.»
 Старый Петро не слушаетъ, грозится:
 «Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будешъ!»
 Сынъ ему впередъ забѣгаешьъ,
 Спарику кланяется въ ноги.
 Не взглянула на сына старый Петро.
 Догоняетъ вновь его Георгий,
 И хватаетъ за сивую косу.
 «Воропись, ради Господа Бога:

Не введи ты меня въ искушенье!
 Опинхнулъ спарикъ его сердце,
 И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
 Горько, горько, Георгій заплакалъ,
 Пистолепъ изъ-за пояса вынуль,
 Взвель курокъ, да и выспрѣмилъ тутъ же
 Закричалъ Петро, зашапавшись:
 «Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И упалъ на дорогу бездыхащенъ.
 Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
 Его машь вышла ему на вспрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
 Ошвѣчаепъ Георгій сурово:
 «За обѣдомъ спарикъ пьянъ напился,
 И заснуль на Бѣлградской дорогѣ.» ²¹⁾
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
 Коль убиль ты отца роднаго!»
 Съ той поры Георгій Петровичъ
 У людей прозывается Черный.

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смиуйся Ты, Боже!
 Задаюшъ насъ волки Ялычары!
 Безъ вины намъ головы рѣжущъ,
 Нашихъ женъ обижаюшъ, позоряшъ,
 Сыновей въ неволю забираюшъ,
 Красныхъ дѣвокъ засипавляюшъ въ насмѣшку
 Распѣватъ зазорныя пѣсни
 И плясашъ басурманскія пляски.
 Спарники даже съ нами согласны:
 Унимашъ насъ они переспали, —

Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
 Гусляры насть въ глаза укоряютъ:
 Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
 Долго ль вамъ терпѣть оныеухи?
 Или вы ужъ не Сербы, — Цыганы!
 Или вы не мужчины, — спарухи?
 Вы бросайше ваши бѣлые domы,
 Уходите въ Велійское ущелье, —
 Тамъ гроза гонювится на Турокъ,
 Тамъ дружину свою собираешъ
 Старый Сербингъ, воевода Милошъ.

13.

ВУРДАЛАКЪ.

Трусоватъ бымъ Ваня блѣдныи:
 Разъ онъ позднею порой,
 Весь въ пошу, отъ спраха блѣдныи,
 Чрезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдныи Ваня сле дышептъ,
 Спопыкаясъ, чушъ бредептъ
 По могиламъ; вдругъ онъ смышипъ, —
 Кто-то коспъ, ворча, грызепъ.

Ваня спалъ; — шагнуть не можешъ.
Боже! думаешъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гможешъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горел малый я не сильный;
Съѣсть Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не сѣмъ.

Что-же? вмѣсто Вурдалака —
(Вы представыше Вани злость!)
Въ шемнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гможешъ кости.

14.

СЕСТРА И БРАТЬЯ 22).

Два дубочка выросли рядомъ,
 Между ими шапковерхая елка.
 Не два дуба рядомъ выросли,
 Жили вмѣстѣ два братца родные :
 Одинъ Павель, а другой Радула,
 А межъ ими сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всюкую ей оказывали милость ;
 Напослѣдокъ сей ножъ подарили

Золоченый въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, спало ей завидно;
 Говорить она Радуловой любѣ :
 «Невѣстушка, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зелія шакова,
 Чтобъ сеспра омерзѣла братъя?»
 Отвѣчаетъ Радулова люба :
 «По Богу сеспра моя, невѣстка,
 Я не знаю зелія шакова;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала ;
 И меня братъя мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»
 Вопль пошла Павлиха къ водопою,
 Да зарѣзала коня воронаго,
 И сказала своему господину :
 «Самъ себѣ на зло сеспру ты любишъ,
 На бѣду даришъ ей подарки :
 Извела она коня воронаго.»
 Спалъ Елинцу допытывать Павель :

*

«За что эшо? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебъ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моей!»
Въ эту пору брашъ сестрѣ повѣрилъ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола шамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Спаль Елицу допытыватъ Павель:
«За что эшо? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебъ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моей!»
И въ эту пору брашъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола

Въ колыбелькѣ его золоченої.
 Рано утромъ къ мужу прибѣжалъ,
 Громко воя и лице терзая.
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишъ,
 На бѣду даришь ты ей подарки :
 Заколола у насъ она ребенка.
 А когда еще ты мнѣ не вѣриши,
 Осмошири ты ножъ ея злаченый.»
 Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
 Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтилицу :
 На перниѣ Елица почивала,
 Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
 Изъ ноженъ выпулъ его Павелъ, —
 Ножъ злаченый весь бымъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
 «Ой сестра, убей тѣба Боже !
 Извела ты коня воронаго,
 И въ саду сокола заколола ;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ опівѣчашъ :

«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моей!
 Коли жъ ты не вѣришъ моей клятвѣ,
 Выведи меня въ чистое поле,
 Привлжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
 Пусть они мое бѣлое шѣло
 Разорвутъ на четыре части.»
 Въ эту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алые цветыочки;
 Гдѣ осипалось ея бѣлое шѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилася.
 Прошло малое послѣ того время,
 Захворала молодая Павлиха:
 Девятнадцать Павлиха все хворасши, —
 Выросла права сквозь ся косини,
 Въ этой правѣ лютый змѣй гнѣздился,

Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ почн.
 Люто страждешъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышнишь ли, господинъ ты мой, Павель,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся.»
 Онъ повелъ ее къ сесстриной церкви,
 И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, моладая Павлиха,
 Здѣсь не будешь тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то моладая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди меня къ белому дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ своихъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любы послушался Павель,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.

Гдѣ пошла капля ся крови,
Выросло шамъ шернѣе да крапива;
Гдѣ осипалось ея бѣлое шѣло,
На шомъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываєшъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидишъ соколь птица,
.Лежишъ въ люлькѣ маленький мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той руکѣ пешкинъ ножъ золоченый.

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ 25.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
 Молодую красавицу Елицу,
 Любитъ онъ се два красныхъ лѣта,
 Въ третіе лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любусѣ, Чешской королевиѣ.
 Съ прежней любой идетъ онъ просиницъ.
 Ей приноситъ съ червоцами чересь,
 Да гремучія серги золотыя,
 Да жемчужное пройное ожерелье,

Самъ ей вдѣлъ опъ серги золотыя,
 Навязаль на шею ожерелье,
 Далъ ей въ руки съ червоцами чересь,
 Въ обѣ щеки поцѣмовалъ молча,
 И поѣхалъ своею дорогою.
 Какъ одна осипалася Елица,
 Деньги наземь она помешала,
 Изъ ушей выдерпula серги,
 Ожерелье на двое разорвала,
 А сама кинулась въ Мораву.
 Тамъ на днѣ молодая Елица:
 Водяною царицей очнулась,
 И родила маленькую дочку,
 И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходяшъ три года и болѣ,
 Королевичъ ъздилъ на охотѣ,
 Ъздинъ онъ по берегу Моравы;
 Захоопѣлъ онъ коня воронаго
 Напоинъ спуденою водою.

Но лишь только запъненную морду
 Супулъ конь въ спуденую воду,
 Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
 Хвашь коня за узду золотую!
 Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
 На уздѣ виситъ Водяница
 Какъ на уде пойманная рыбка, —
 Конь кружится по чистому лугу,
 Попрясая уздой золотою;
 Но спряхнувшъ Водяницы не можешъ.
 Чупъ въ сѣдлѣ усидѣль королевичъ,
 Чупъ сдержалъ коня воронова,
 Осадивъ могучею рукою.
 На шраву Водяница прыгнула
 Говорить ей Япышъ королевичъ:
 «Расскажи, какое ты шворенье:
 Женщина ль шебя породила,
 Иль Богомъ проклятая Вила?»
 Опивъчасть ему Водяница:
 «Родила меня молодая Елица,

Мой отець Янышъ королевичъ,

А зовуягъ меня Водяницей.»

Королевичъ при шакомъ опвѣцѣ

Соскочилъ съ коня воронова,

Обнялъ дочь свою, Водяницу

И слезами заливаясь, молвилъ:

«Гдѣ, скажи, твоя матерь Елица?

Я слыхалъ, что она попопула.»

Опвѣчаетъ ему Водяница:

«Мать моя царица водяная;

Она власпивашъ надъ всѣми рѣками,

Надъ рѣками и надъ озерами;

Лишь не власпивашъ она синимъ моремъ,

Синимъ моремъ власпивашъ Дивъ-Рыба.»

Водяница молвилъ королевичъ:

«Такъ иди же къ водяной царицѣ,

И скажи ей: Янышъ королевичъ

Ей поклонъ усердный посыпашъ,

И у ней свиданія проситъ

На зеленомъ берегу Моравы.

Завтра я зайду за отвѣтомъ.»

Они послѣ того разспались.

Рано утромъ, чупъ заря зардѣлась,
 Королевичъ надъ рѣкою ходилъ;
 Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
 Поднялась царица водяная,
 И сказала: «Янышъ королевичъ,
 У меня свиданія просылъ ты:
 Говори, чего еще ты хочешь?»
 Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
 Разгорѣлся снова въ немъ желанья,
 Спалъ манилъ ее къ себѣ на берегъ,
 «Люба шы моя, млада Елица,
 Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
 Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
 По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
 Королевичу Елица не винимаешь,
 Не винимаешь, головою киваешь:
 «Нѣпѣ, не выду, Янышъ королевичъ,

Я къ тебѣ на земный берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловатъся,
Крѣпче прежняго меня не полюбить.
Расскажи-ка мнѣ лучше хорошелько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Опѣваетъ Янышъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жены не утѣшишъ.»

46.

К О Н Ъ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
 Что ты шею опустилъ;
 Не потряхиваешь гривой,
 Не грызешь своихъ удилиъ?
 Али я тебя не холю ?
 Али ѿшь овса не въ волю ?
 Али сбруя не красна ?
 Аль поводья не шелковы,
 Не серебрены подковы,
 Не злочены спремена ?

Отвѣчаетъ конь печальный :
 Опѣ шого я присмирѣлъ,
 Чѣо я слышу шопотъ дальний,
 Трубный звукъ и пѣнье спрѣлье;
 Опѣ шого я ржу, чѣо въ полѣ
 Ужъ недолго миѣ гулять,
 Проживать въ красиѣ и въ холѣ
 Свѣшлой сбруей щеголять;
 Чѣо ужъ скоро врагъ суровый
 Сбрую всю мою возьмешъ,
 И серебряны подковы
 Съ легкихъ ногъ моихъ сдерепъ ;
 Отѣ шого мой духъ и ноешъ
 Чѣо на мѣсто чапрака
 Кожей онъ твоей покроетъ
 Миѣ вспомѣвшія бока.

КОНЕЦЪ.